

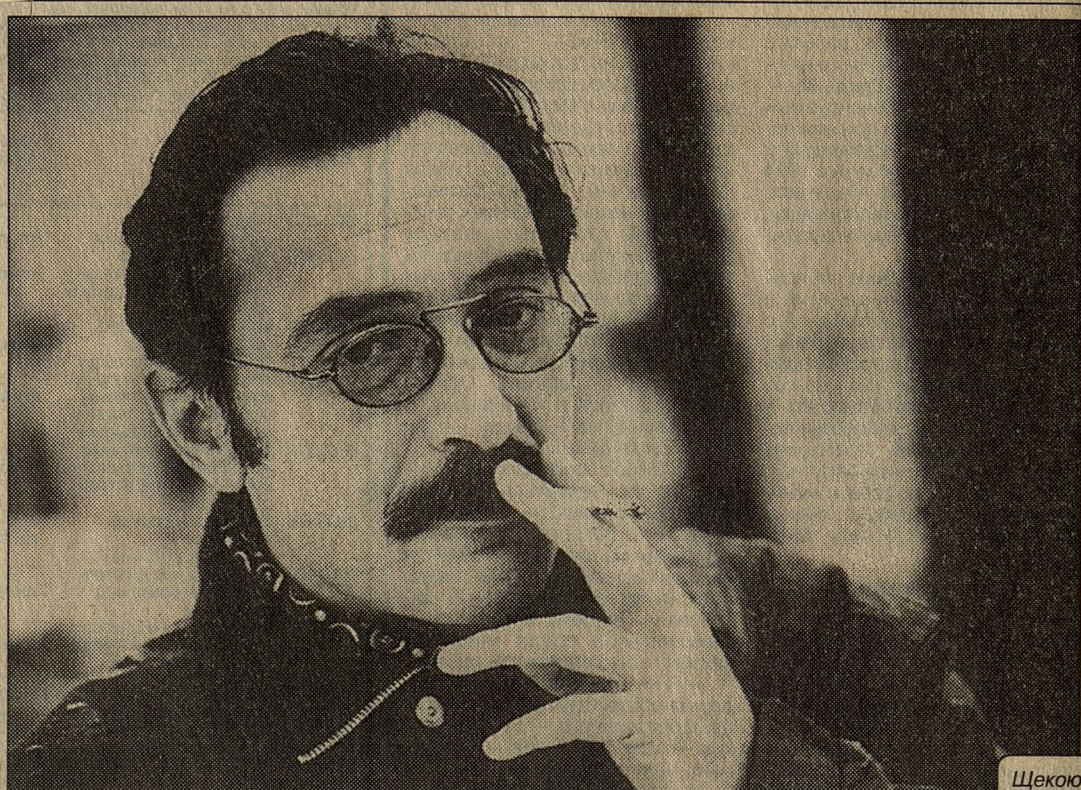
Кибилов Тимур

14.11.97

Известия. — 1997. — 14 ноября. — с. 6.

Тимур КИБИРОВ: Поэт в России больше не бунтарь

«Да, писательский стон меня раздражает. Отчасти это связано с особенностями моей биографии и биографии моих друзей. Мы в ресторане ЦДЛ не сидели, наши книжки сотысячными тиражами не издавали и на неделе русской литературы в Грузии не выпивали. Я догадываюсь, что такая жизнь очень сладкая. Но кто кому должен теперь?»

— Ваша последняя книга стихов «Парафразис» вышла в «Пушкинском фонде» тиражом 1000 экз. Вас не смущает то, что поэзия востребована лишь узким кругом читателей?

— Кто из писателей не хотел бы издаваться миллионными тиражами и быть народным любимцем? В том, что этого не происходит, ничей злой воли нет. У книгоиздателей, видимо, все еще сохраняется привычка работать в условиях нарастающей инфляции, когда надо было быстро зарабатывать деньги. Прибыль, по их убеждению, дает или массовая литература, или громкое имя вроде Вознесенского и Евтушенко. Сборники прочих современных поэтов вряд ли раскупятся в момент. А во всем мире, между прочим, если книга продается в течение трех — шести месяцев, это признак нормы, а не затоваривания рынка. Сегодня актуальную поэзию печатают настоящие энтузиасты, например Г. Комаров в Санкт-Петербурге, издавший «Парафразис».

— По моему, формулу Пастернака «быть знаменитым некрасиво» вы восприняли чересчур буквально. Хотя известно, что Борис Леонидовичу не доставало громкого успеха. Он говорил, что «у большого писателя должен быть большой читатель». А вы намеренно избегаете светской жизни, которая дает прежде всего связи, которыми на Руси всегда дорожат больше, чем деньгами. Не кажется ли вам, что затворничество — это путь к забвению?

— Признаться, поздно менять стереотипы поведения, связанные, возможно, с моим комплексом. Ведь детство я провел в небольшой гарнизонах, где служил отец. Когда в тринадцать лет я начал писать стихи, то считал это потайным, отчасти стыдноватым делом. До сих пор писательские братания, или, как теперь говорят, тусовочная жизнь, представляют мне чем-то нецеломудренным. К тому же я не уверен, что литературная известность напрямую зависит от интенсивности светской жизни. Известность, которую я получил (гораздо большую, чем заслуживаю), доставляет удовольствие исключительно потому, что для этого я ничего специально не делал.

— Ваш дебют состоялся в журнале «Юность» в 1988 году. Тогда читатели впервые узнали стихи Н. Искренко, Ю. Арабова, В. Друка. Сейчас о компании метаметафористов, увы, подзабыли. А вы, принадлежащий в те годы к противоположному полюсу поэзии — кругу концептуалистов, по-прежнему оставались в центре литературной жизни. Как можно в течение десяти лет сохранять известность и ничего для этого, как вы говорите, не делать специально?

— Видимо, я пишу то, что люди хотят читать. Именно в этом вижу причину востребованности пусть у неширокого круга читателей. Уступая иным коллегам в мастерстве и природной одаренности, я компенсирую свой недостаток способностью, невзирая на литературные моды, прислушиваясь к собственному голосу. К примеру, мне захотелось прочитать стихи про любовь к маленькой дочери. Но никто их теперь не пишет, и тогда я сам сочинил 20 сонетов, обращенных к Саше Запоевой (моя настоящая фамилия — Заповев, Кибилов — псевдоним).

Если я склонен к сентиментальным, ностальгическим чувствам, значит, есть и другие люди, не лишённые нормальных реакций. Честно говоря, я был уверен, что, написав эти сонеты, совершил дерзкий, непростительный поступок. Большинству друзей, правда, стихи понравились, но были и те, кто промолчал. А провозвестник всяческой литературной крутизны В. Курицын посвятил разбор этих сонетов огромную статью, где довольно забавно доказал, что Кибилов не так простодушен. Автор, по его мнению, позволил себе авангардный жест.

Конечно, я лукавлю, говоря о безыскусной сентиментальности своих сочинений. Для того чтобы дорогие мне темы не выглядели профанацией, я использую приемы постмодернизма. Вменяемый читатель понимает, что имеет дело уже не с Асадовым и не с Доризо...

— В цикле «Памяти Державина» спародированы стили нескольких поэтов — от Фатьянова до Окуджавы. Вы относитесь свысока ко всему советскому периоду русской литературы?

— Не скрою, меня всегда возмущала двойная оценка, когда

речь заходила о литераторах советской эпохи. Для того чтобы опреледелить их место в нашей культуре, критик заведомо убирает мировую и предшествующую революции русскую литературу. Тогда получается, что А. Межиров — великий поэт. По сравнению с кем? По сравнению, скажем, с Фатьяновым и Куняевым. А если творчество того же Межирова ввести в контекст великой русской, эмигрантской словесности и литературы андерграунда, который возник у нас еще в 30-е годы, начинается складываться иная картина. По мне лучше быть букашкой, но в ряду с Кантемиром и протопопом Аввакумом, чем выморочной фигурой в этой незрелой, детсадовской советской культуре.

— Вы тоже похоронили советскую литературу?

— Я никогда не пытался, как говорят блатные, отмазаться. Забыть 70 лет и начать все сначала? Это было бы серьезной ошибкой. Соцреализм возник не на пустом месте, и не Горький тому виной. Соцреализм из Чернышевского и Златовратского вышел. Советский период — это продолжение тенденций, которые всегда были присущи русской литературе. Приобретали они, правда, чаще карикатурные формы благодаря известным политическим деформациям. Романтика революции обернулась, увы, пошлостью, скукой и кровью как в жизни, так и в культуре.

— В последней книжке присутствует тема проигравшего человека. Ирония, которая была всегда беззлобной в ваших стихах, становится более колкой, обостряет наблюдения и состояние лирического героя. Вы себя не причисляете к такому типу людей?

— После 40 лет каждый мужчина чувствует себя если не проигравшим, то слегка побитым. Это вполне нормально, хотя от жизни и от близких людей получаю тепла гораздо больше, чем сам способен отдать. Но когда я думаю о традиционной, высокой культуре, меня не покидает тревога и ощущение зыбкости. Действительно, нет уверенности, что для наших детей литература будет значить то же, что и для нас. Я не знаю, плохо это или хорошо. Возможно, аудио- и видеокультура, культура массовых коммуникаций ничуть не

хуже. Я знаю только одно — я люблю вот эту, наверное, уходящую культуру, и в никакой другой мне места нет.

— Р. Быков недавно с горечью сказал, что из-за полной и окончательной победы массовой культуры наша словесность оказалась в своего рода резервации. А вот ваших коллег беспокоит другое — собственная ниша в современной социальной иерархии. Общество разделилось на богатых, бедных и людей со скромным достатком. Последние две группы поставлены в прямую зависимость от первой, считает часть писателей. Кто же они теперь, недавние властители дум, порядком утратившие в эпоху реформ материальный и моральный капитал?

— Я стараюсь смотреть открытыми глазами и на себя, и на советскую интеллигенцию, к которой принадлежу. На протяжении десятилетий считалось, что поэт — это вершина культуры и вообще вершина жизни. Независимо от того, какая судьба ему уготована. Скорее всего, печальная, трагическая. И поскольку подростковые представления очень живучи, то до недавнего времени эта уверенность во мне оставалась. В последние годы я понял, что сочинение стихов — это, конечно, самое важное дело. Для меня. А для обыкновенного человека, коих большинство, куда авторитетнее фигуры священника, врача, адвоката. Это нужно принять растерявшимся писателям. Не скуility и не ждать особого уважения общества к собственной персоне.

Государству больше нечем заняться, как материально поддерживать замечательных писателей? Если государство мне предложит, я наверняка не откажусь. Но у меня язык не поворачивается требовать льгот и пособий.

В прессе уже много говорилось о том, что создатели официальной советской литературы являлись привилегированной кастой. На долю других — неофициальных — выпадали гонения и бытовая неустроенность. Но душевный комфорт у тех, кто не пострадал в годы сталинских репрессий, был величайший. Ведь ты — один из избранных. И советское общество поддерживало их реноме.

Сейчас выясняется, что в условиях свободы безбедно могут жить лишь единицы. Конечно, это печально. Однако невзирая на это обстоятельство, свобода остается безусловной ценностью. И стыдно на нее роптать. Я вспоминаю, как возразил С. Гандлевский коллеге, жалующемуся на маленькие тиражи и падающий интерес к текущей литературе: самые большие тиражи были в 1937-м. С его словами не поспоришь — это правда. Только не стоит забывать и про другую правду 1937 года. Короче, не надо поддерживать, не надо.

— Вы называете свое поколение неповзрослевшим. А что мешало повзрослеть, ведь не так уж просто жилось нынешним сорокалетним?

Щекою прижавшись к шинели отца — вот так бы и жить. Вот так бы и жить — ничему не служить, заботы забыть, полномочья сложить и все попеченья навек отложить, и глупую гордость самца. Вот так бы и жить.

На стриженном жалком затылке своем ладонь ощутить. Вот так быть с любимым, вот так бы любить и знать, что простит, что всегда защитит, что лишь понарошку ремнем он грозит, что мы не умрем.

Что эта кровать, и ковер, и трюмо, и это окно незыблемы, что никому не дано нарушить сей мир и сей шкаф платяной подвинуть. Но мы переедем зимой. Я знаю одно, я знаю, что рухнет все на глазах, строится скрипят, что релятивизмом кичится Пилат, а стены, как в доме Нуф-Нуфа, дрожат, и в щели ползет торжествующий ад, хохочущий страх,

что хочется грохнуть по стеклам в сердцах, в истерику впасть, что легкого легче предать и проклясть в преддверье конца. И я разеваю слюнявую пасть, чтоб вновь заглотить галилейскую снасть, и к ризам разодранным Сына припасть, и к ризам Отца!

Прижавшись щекою, наплакаться всласть и встать до конца.

Тимур КИБИРОВ

лень даже прислушаться. В эти часы я не думал о великом и даже не сочинял стихов. Я ленился и гордился всю жизнь, теперь должен за это отвечать.

— Вы — поклонник нормального течения жизни и безусловных ценностей: любовь, благодарность женщине, счастье отцовства, приятие мира. Может быть, вы демонстрируете новую роль поэта в современном мире? Он уже не бунтарь и даже не артист? Он — мудрый рассказчик и учитель?

— У нас люди не хотят выполнять свои роли, что свидетельствует все о том же инфантилизме. Сорокалетние, а то и шестидесятилетние дядьки пытаются фигурировать в молодежной субкультуре и готовы ходить на дискотеки в ночной клуб «Утопия». Это стыдно и глупо. Пусть у молодежи будет своя субкультура, а социальная роль взрослых заключается в том, чтобы урезонивать молодежь, пальчиком грозить, ворчать. Быть может, эта роль невидная, иногда смешная, но она необходима в обществе. Особенно если хватит ума и таланта не профанировать ценности, за которые взрослые якобы стоят горой, а вести разговор на равных, не сбиваясь на скуку. Иными словами, молодежь должна штурмовать твердыни косности, а взрослые, мудро поглядывая, комментируют процесс двумя-тремя ироничными фразами. Перечисленные вами мои качества как поэта есть проявление нормального, здорового консерватизма, вполне уместного в 43 года. Когда-то Ницше заметил, что мир враждует не вокруг создателей нового шума, а вокруг создателей новых ценностей. Спустя годы я понял, что никаких новых ценностей не существует. Новые ценности вошли в мир однажды — они прозвучали в Нагорной проповеди. А все остальное, в том числе философия Ницше, — как раз новый шум.

— Наверное, поэту лучше слыть бунтарем. Но роль здравомыслящего человека мне ближе.

— Если уж и нужно бунтовать, то против безумия, которое наваливается на нас со всех сторон. Причем единственным способом — сохраная здравый смысл, понимая, какой поступок — грех, какой — не грех. Пусть у человека не хватает сил игнорировать соблазны, но сознавать, что он делает, ему как минимум необходимо.

— А в представлениях здравомыслящего человека о правильной жизни входит карьера и накопление материальных ценностей?

— Конечно. В начале 80-х, когда Гандлевский и я числились в аутсайдерах советской литературы, мы с ним выясняли, чего же хотим больше. Сергей сказал — денег. Я желал славы. Теперь я готов согласиться с другом. Деньги не лучшее изобретение человечества, но это единственный измеритель вложенного труда, его количества, качества, интенсивности. В отличие от советской эпохи, когда можно было жить неплохо и без денег, особенно если у тебя есть друзья-товарищи, в нынешней жизни стало многое зависеть от размера твоего кошелька. В частности, выбор школы, куда в будущем году пойдет учиться моя дочь. Если ничего не заработаю, поступит в ту, где нет учителя русского языка. Сейчас устанавливаются очень жесткие, даже жестокие правила, но это условия взрослой жизни. А взрослая жизнь достойнее прошлой, советской.

Наталья СЕЛИВАНОВА.